

Изучение проблем разговорной речи, весьма активно развивающееся на материале ряда индоевропейских языков (английского, французского, немецкого, русского), нуждается в серьезном расширении с привлечением материала других языков и, прежде всего, языков, относящихся к другим типологическим группам. Следует также сказать о необходимости сближения различных общетеоретических подходов к изучению разговорной речи, которые, к сожалению, иногда даже кажутся несопоставимыми. Турецкая разговорная речь остается еще очень слабо изученной. Так, в рецензируемой монографии К. Шредера, которая в этой связи представляется весьма актуальной, из списка использованной литературы, насчитывающего свыше 160 наименований, лишь два источника имеют непосредственное отношение к проблемам собственно разговорной речи: сообщение на colloquium в г. Эссене Петера Ауэра [Auer 1990] и работа О. Демирджана об инвертированном порядке слов в турецком предложении [Demirçan 1991]. Хотелось бы высказать пожелание о более широком использовании на материале турецкого языка тех важных общетеоретических выводов, которые получены при изучении разговорной речи индоевропейских языков и, в частности, русского. Эти выводы содержатся, к примеру, в работах по русской разговорной речи Е.А. Земской и ряда других видных отечественных специалистов, получивших широкое признание также и за рубежом [Koester-Thoma, Zemskaja 1995; Koester-Thoma 1996]. Многие из них вполне применимы к турецкой разговорной речи, которая выступает как функциональная разновидность современного турецкого литературного языка [Secka 1999].

Монография К. Шредера является весьма интересным и плодотворным примером

применения к турецкому языку принципов функциональной лингвистики, базирующихся на работах Т. Гивона, В. Крофта, С.К. Дика, П.Дж. Хоппера и др. Вместе с тем необходимо отметить, что, по нашему мнению, грамматический функционализм, связанный с обращением к семантическим аспектам, приводит в ряде случаев к выводам, соответствующим теоретическим установкам автора, но не вполне подтверждаемым реальным функционированием турецкого языка (см. ниже).

Главы 3–7, составляющие основную и наиболее оригинальную часть книги, содержат детальные наблюдения автора, касающиеся использования в тексте именных маркеров и категорий. Анализ слова *bir* в функции неопределенного артикля приводит к выводу о том, что индивидуализирующее значение этого показателя преобладает тогда, когда он служит для введения в текст [+нового] и [–данного] референта. Выдвигается проблема наличия статуса количественного классификатора у слова *iane*. Это слово описывается как "показатель высокой прагматической референциальности" (с. 108), участвующий в структурировании текста. Прагматическая роль *iane* имеет и семантический коррелят, поскольку это слово маркирует определенные референты как "отдельные". Автор показывает, что согласование во множественном числе подлежащего и сказуемого в турецком предложении имеет как семантическую, так и прагматическую мотивацию, которую в первом случае он называет "мотивацией отдельности" и во втором – "устойчивыми темами". При этом важно, что глагол во множественном числе помогает структурировать текст в соответствии с прагматическими ролями (с. 124). Особенности аффикса принадлежности (3-го л. ед. ч.) рассматриваются с учетом установления анафорической референции. К. Шредер формулирует гипотезу о том, что

прототипическим значением аффикса принадлежности было выражение отношения части к целому, а также обосновывает свои наблюдения над его функцией определенного артикля. Анализ тематичности определений в родительном падеже приводит к интересным выводам о существовании двух типов тем в турецком языке, которые могут быть связаны с глаголом и определением в родительном падеже. Используя метод бинарных оппозиций, автор описывает механизм выбора между нулевой анафорой и инвертированной позицией слова (его постановкой в позицию после сказуемого) с учетом тематического продолжения, что оказывается тесно связанным с "предсказуемостью" данного тематического развития. Книга содержит ряд глубоких выводов относительно тематических цепей, подтем, рамочных построений, которые составляют структуру текстового уровня современного турецкого языка.

Другие интересные наблюдения касаются взаимодействия в тексте того или иного набора именных категорий, с одной стороны, и весьма многообразных условий различных способов введения в текст референта и темы, с другой.

Заключительные замечания монографии посвящены ряду обобщающих гипотез, которые предполагают и определенный количественный подход, поскольку опираются, к примеру, на связь степени прагматической референтности и тематичности с количеством информации, обычно дающейся о свойствах референта (с. 205).

По нашему мнению, наиболее ценная часть книги К. Шредера не та, что касается разговорной речи в собственном смысле, а та, которая направлена на выработку очень важных научных предпосылок для создания грамматики текстового субъекта (гиперподлежащего, ср. [Щека 1992]) письменной и функциональной разновидности турецкого литературного языка. Автор подробно рассматривает конкретные механизмы, позволяющие именным аффиксам использоваться для построения формальной структуры текстового гиперподлежащего, а значениям соответствующих именных категорий развиваться и трансформироваться в соответствующие элементы плана выражения на уровне текста. Что же касается разговорной речи, то она ни в коем случае не совпадает с компонентом "устная" в делении речи на устную и письменную. Форму речи не следует смешивать с функционально-структурной дифференциацией современного литературного языка на письменную речь и речь разговорную [Шведова 1960; Щека 1999]. Русские термины "письменная речь" и "разговорная

речь" используются традиционно, хотя всегда под ними понимается соответственно письменная и разговорная подсистемы (письменный и разговорный подязыки) литературного языка. В рецензируемой книге этот момент учитывается. К. Шредер упоминает о "неподготовленности разговорной речи" и о "спонтанной речи" (с. 5). Однако признак неподготовленности далеко не исчерпывает параметры разговорной речи, которые включают также экспрессивность, эмоциональность, ситуативную обусловленность, общность перцептивной и информативной базы говорящих и др. К структурным особенностям турецкой разговорной речи относится так называемое субъективное следование коммуникативных членов (рема + тема), и поэтому инверсия ("devrik tımce") не может считаться "проявлением влияния западноевропейских языков ... или реликтовой отметиной османской поэзии, находившейся под влиянием персидского языка", как пишет автор, цитируя мнение О. Демирджана (с. 191). На наш взгляд, существенная недооценка общих положений теории разговорной речи привела к тому, что примерно две трети примеров, приводимых до главы 7 (в которой рассматривается инвертированный порядок слов в предложении), относится по своим особенностям к турецкой письменной речи (хотя и имеет устную форму). Рассмотрение в главе 7 случаев инверсии личного местоимения может вызывать возражения. Постановка личного местоимения в позицию после сказуемого является одной из особенностей турецкой разговорной речи, связанной с эмфазой (экспрессивностью) [Щека 1979]. В этой связи представляется неоправданной (и даже лишенной конкретного смысла) попытка дать этому явлению рациональное толкование в виде "своеобразного продолженного экспонирования темы предложения" (с. 198 со ссылкой на К. Циммерера).

В книге К. Шредера, как и в ряде других (в основном, западных) работ, "неопределенный артикль *bir*" употребляется как вполне принятый термин. Но практически во всех известных мне грамматиках турецкого языка, написанных в Турции и в России, этот термин не используется. В словаре лингвистических терминов Б. Вардара термин "артикль" (*tanımlık*) упоминается только в связи с западноевропейскими языками [Vardar 1980]. В словаре грамматических терминов З. Коркмаз этот термин совсем отсутствует [Korkmaz 1992]. В лингвистическом энциклопедическом словаре говорится о языках с одним артиклем, при этом в качестве единственного примера приводится турецкий, "где представлен неопределенный артикль *bir*, а его отсутствие

эквивалентно определенному артиклю и может формально трактоваться как нулевой артикль" [ЛЭС 1990: 46]. Суждение о том, что отсутствие *bir* эквивалентно определенному артиклю, видимо, опирается на известное мнение С.С. Майзеля: "Отсутствие у слова неопределенного артикля *bir* делает слово определенным" [Майзель 1957: 61]. Оно иногда повторяется, хотя и в смягченной форме, у некоторых других видных тюркологов, например, у Л. Юхансона: "В именных группах, не содержащих артикля *bir*, значение конкретности *чаще всего* (разрядка моя. — Ю.В.) совпадает со значением определенности (в том смысле, в каком данное значение усматривается у определенного артикля)" [Юхансон 1987: 401]. Однако, по нашему мнению, приведенные точки зрения являются результатом теоретических построений, которые в данном отношении не отражают реальные особенности функционирования *bir* в турецком языке. Об этом свидетельствуют прямые указания турецких грамматистов: "Имена нарицательные могут иметь неопределенное значение и при отсутствии *bir*: *Gömlek aldım* 'Я купил рубашку'; *Elma yedim* 'Я съел яблоко'" [Gencan 1979: 178]. В учебниках турецкого языка примеры на неопределенное прямое дополнение приводятся *чаще всего* (ср. выше) без *bir*. *Postaya mektup attım* 'Я отправил по почте письмо'; *Erol, kitap okuyor* 'Эрол читает книгу' [Zülfikar 1980: 115]. Имеются случаи, когда имя в неопределенном значении не может употребляться с *bir*. Так, в значении ответа на вопрос о том, как данный предмет называется по-турецки, возможны только ответы без *bir* типа: *Bu tabak(tır)* 'Это тарелка', *Bu ev(dir)* 'Это дом' и т.д.

По нашему мнению, в турецком языке нет артиклей (нет и неопределенного артикля), слово же *bir* может лишь выступать в функции артикля. Вопрос о характеристике слова *bir* в функции артикля не является простым спором о словах, так как его отнесение к неопределенному артиклю вызывает необходимость введения на морфологическом уровне третьего элемента, а именно так называемой конкретности или "специфичности" (specificity) с показателем *bir* + винительный падеж (с. 42 и др.). "Специфичность" может считаться важной характеристикой уровня текста (при учете контекста и данной ситуации). Именно это, видимо, имеет в виду Л. Юхансон, отмечая, что "...конкретность ни в коей мере нельзя рассматривать как семантический компонент типа *differentia specifica*" [Юхансон 1987: 404]. Ее введение на морфологическом уровне, как представляется, существенно искажает всю категорию определенности-

неопределенности турецкого языка. Во многих очерченных системой языка сферах винительный падеж не передает никаких смысловых оттенков, выступая лишь чисто формальным средством. Так, это имеет место при дистантном положении прямого дополнения, где показатель винительного падежа является целиком и полностью формальным и не может выражать "специфичность": *Diün öğretim yeni bir dersi tam otuz beş dakika anlatıp durdu* 'Вчера учитель целых тридцать пять минут объяснял новый урок'. На данный момент указывает также и Юхансон [Johanson 1991: 228]. Кроме того, некоторые глаголы и послелоги управляют обязательным (то есть чисто формальным) винительным падежом, поэтому, например, фраза *bu kadın bir adamı seviyor* означает не то, что эта женщина любит *некого* (einen gewissen...) человека, а просто: 'эта женщина любит одного мужчину'. Словосочетание *uzun bir ömrü aşkın* означает не 'больше, чем некая полгая...', а просто 'больше, чем долгая человеческая жизнь'.

Трудно согласиться с некоторыми замечаниями К. Шредера относительно нумеративов *tane* и *kişi*. Например, автор утверждает, что "*tane* никогда не употребляется с именами, выступающими в синтаксической конструкции как определенные" (с. 97), а также, что "*kişi* не может выступать в роли нумератива" (с. 100) или "*kişi* не может употребляться с частицей *da*" (с. 101). Следующие предложения, на наш взгляд, опровергают данные утверждения: *Bana hediye ettiği yedi tane kalemi ona geri götürdüm.* — 'Я отнес ему обратно семь штук карандашей, которые он мне подарил'; *Yanına üç kişi koruma alarak evden çıktı.* — 'Он вышел из дома, взяв с собой троих охранников'; *Biz, üç kişi de yabancı konuk bir arabaya sığamayız.* — 'Мы да три человека иностранных гостей не поместимся в одной машине'. Показательны в этом отношении оба примера, приведенные в толковом турецком словаре на слово *tanecik*: *İki tanecik elması kaldı.* — 'У него осталось всего лишь два яблочка'; *Oradaki beş altı tanecik Çingene çadırına yanaştık.* — 'Там мы подходили к пяти-шести цыганским шатрам' [Türkçe Sözlük: 2130]. Здесь нумеративы относятся к определяемому, выступающему как определенные.

В заключение отметим, что, несмотря на все высказанные замечания, книга К. Шредера, несомненно, вносит важный вклад в создание турецкой грамматики текста. Она является блестящим примером лингвистического, семантического и прагматического анализа коммуникативного аспекта языка и имеет во многих отношениях большую

значимость с точки зрения дальнейшего развития общих принципов коммуникативного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Майзель С.С. 1957 – Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.
- Шведова Н.Ю. 1960 – Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Щека Ю.В. 1979 – Об основных закономерностях порядка слов в турецкой разговорной речи // Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение. 1979. № 3.
- Щека Ю.В. 1992 – Элементы теории синтаксической связи и интонологии в синхроническом и диахроническом освещении (на материале турецкого языка) // ВЯ. 1992. № 5.
- Юхансон Л. 1987 – Определенность и актуальное членение в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М., 1987.
- Auer P. 1990 – Einige umgangssprachliche Phänomene des Türkischen und ihre Erklärung aus "natürlichen" Prinzipien // N. Boretsky, W. Enninger, Th. Stolz (Hrsg.). Spielarten der Natürlichkeit. Bd. 2, Hbbd., Bochum, 1990.
- Demircan Ö. 1991 – Devrik tümce üzerine tartışmalar // Metis Çeviri 15.
- Gencan T.N. 1979 – Dilbilgisi. IV. baskı. Ankara, 1979.
- Johanson L. 1991 – Linguistische Beiträge zur Gesamttürkologie. Budapest, 1991.
- Koester-Thoma S., Zemskaja E.A. 1995 – Russische Umgangssprache. Phonetik, Morphologie, Syntax, Wortbildung, Wortstellung, Lexik, Nomination, Sprachspiel. Berlin, 1995.
- Koester-Thoma S. 1996 – Die Lexik der russischen Umgangssprache. Forschungsgeschichte und Darstellung. Berlin, 1996.
- Korkmaz Z. 1992 – Gramer terimleri sözlüğü // Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara, 1992.
- Šćeka Y.V. 1999 – Spoken Turkish: Synchronic and diachronic aspects // Turkic Languages 3. 1999. № 2.
- Türkçe Sözlük 1998 – Türkçe Sözlük. Türk Dil Kurumu. IX baskı. Cilt 2. Ankara, 1998.
- Vardar B. 1980 – Dilbilim ve dilbilgisi terimleri sözlüğü // Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara, 1980.
- Zülfikar H. 1980 – Yabancılar için Türkçe dilbilgisi. III. baskı. Ankara, 1980.
- Ю.В. Щека